

© 2005 г. О.Ф. ЖОЛОБОВ

ТРИДЕВЯТО АНГЕЛО ТРИДЕВА АРОХАНЕЛО
(функция и формы числительных в берестяной грамоте № 715)

Статья посвящена разбору числительного *тридевять* '3 × 9', хорошо известного по восточно-славянским фольклорным источникам. Исследователи новгородских берестяных грамот обнаружили очень ранний пример этого числительного в грамоте XIII в. В статье рассмотрение текста грамоты проводится на широком фоне разнообразных источников, начиная с индоевропейских, в которых содержалось числительное '3 × 9'. Оно интерпретируется в статье не как сочетание двух сакральных чисел, где второе число отражает кратный рост первого, а как реальная числовая формула. Ее строение отражало количество дней сидерического лунного месяца, который противопоставлялся синодическому лунному месяцу. Это противопоставление выражало два календарных типа. Если первый был связан с ритуально-магической функцией, то второй – с хозяйственно-бытовой. Первый календарный тип соотносился с символикой божественной плеромы. В статье разбирается также теория о так называемом девятичном счислении, с которым связывают часто числительное '3 × 9'. Кроме того, в работе дается грамматическая интерпретация форм числительного в упомянутой берестяной грамоте.

Наиболее ранний пример так называемого девятичного счета содержится в одном из древнейших заговорных текстов, который сохранился в ГрБ № 715 (XIII₁) [Зализняк 1995]. Этот источник будет рассмотрен ниже, а сначала необходимо предпослать этому исторические свидетельства о девятичном счете и предварительные итоги его лингвистической интерпретации.

Сложилось устойчивое мнение о существовании особого девятичного счисления в древнерусском языке. А.И. Соболевский [Соболевский 1926–1927: 451–453] сформулировал этот взгляд в своих "Заметках по славянской морфологии". Он ссылаясь на следующие примеры: в одном из древнерусских слов, обличающих русских двоеверов, говорилось, что те поклоняются "виламъ и Мокоши, упиремъ и берегынямъ, ихъже нарицають три 9 сестрениць". Сходное чтение есть и у Срезневского: Вѣтрують... въ вилы. ихъже числомъ ꙗ.ѡ. сестрениць Сл. Христ. Паис. сб. (Срезн. I: 651). Кроме того, Соболевский напомнил известную формулу русских сказок – "за тридевять земель", а также привел очень выразительные примеры с числительным "тридевять" из свадебного чина московских бояр XVI–XVII вв. по спискам "Домостроя". Там говорится, что для новобрачных "изготовятъ 3 девять сноповъ ржаныхъ, поставятъ ихъ стоймо и на то ковер и постелю", "(боярыня держитъ на блюдѣ) 3 девять лоскутовъ розныхъ цвѣтовъ камки и тафты, 3 девять пѣнзей серебряныхъ золоченыхъ малыхъ". К девятичному счету Соболевский отнес также редкие примеры счета по 90 вроде сообщения неизвестного по имени Суздальца о пути на Флорентийский собор: "отъ Новагорода до Пскова два 90 верстъ (Малинин, Старец... Филофей, Киев 1901, приложения, стр. 82, 77)".

И. Поливка [Polivka 1927: 217–223] привел массу примеров девятичного счета из восточнославянского фольклора:

после полетели они за *тридевять земель*; замыкаю я вас *тридевятью* замками, запираю я вас *тридевятью* ключами; Пойду из ворот воротами выду я в цистое полѣ. В цистом поли стрещю *тридевять* морь, *тридевять* озѣр, *тридевять* рек, *тридевять* руцьѣф, *тридевять* лушкоф. Как с этих морь, с этих рек, с этих руцьѣф, с

этых зеленых лушкоф стекается вся вода в синее морё, так бы у моей животинки стекалось молоцко в титоцки; одизимать *тридевятъ* ячменин; уизжаеть ion у чужоя царства, у чужья пакаления у *тридиватыя* гусударства и т.д.

И. Поливка нашел сходные выражения в древнегреческих источниках и в связи с этим предположил, что восточнославянские формы заимствованы у черноморских греков, с которыми восточные славяне контактировали. В действительности данная формула отражает индоевропейский архаизм, поскольку встречается и в других индоевропейских языках, вне предполагаемой греко-восточнославянской параллели.

Б. Унбегаун [Unbegaun 1935: 418–419] обнаружил девятичный счет в дипломатической переписке 1515–1517 гг., связанной с крымскими татарами:

одну девять поминков взял, 1516, ДСК, II, 310; а съ нимъ бы еси прислалъ ко мнѣ *девять* кречатовъ, да *девять* портищъ соболей, да *третью девять* пришли горностаевъ, 1517, *ibid.*, 445; дай ты сыну моему Алпу отъ себя *три девяти* поминковъ, 1516, ДСК, II, 274; пожаловалъ есми сына своего Алпа царевича *трема девятми*, и ты дай отъ себя сыну моему Алпу *двѣ девяти*, а *третю девять* язъ ему отъ себя дамъ изъ казны, *ibid.*; проси шедъ у Ивана отъ царя Алпу царевичу *дву девятией* поминков, *ibid.*, 275; и др. В композите *тридевятъ*: и ты бы мнѣ прислалъ *тридевятъ* кречетовъ молодиковъ, 1515, ДСК, II, 156; да за *тридевятъ* поминковъ запросныхъ чтобъ было узорочье, 1517, *ibid.*, 445.

Данные примеры могут отражать тюркский обычай делать подарки-подношения из 9 различных предметов¹. Если это так, то он проявляется с “русским акцентом”, потому что в переписке упоминаются не просто девять различных предметов, а тридевятъ одинаковых “поминков”-подарков, по девять одинаковых предметов в каждой группе. Нет следов инородности и в морфосинтаксической природе выражений *одну девять*, *третью девять*, поскольку последнее сочетание обнаружено и в церковно-правовом источнике – КЕ XII: 242b (см. подробнее ниже). В любом случае счет по девяти здесь связан не с особым девятичным счислением, а с ритуальной отмеченностью числа 9. В приведенных примерах говорится о “поминках”, т.е. дарах, преподносимых царственным особам. Дарение в этом случае выступает в качестве социально-культурной составляющей в межэтнической дипломатии. По своему обрядовому характеру оно напоминает названное подношение даров на свадьбе.

Невозможно согласиться с Унбегауном, который усматривал в счете по девяти не типологическую параллель, а непосредственное тюркское влияние. Не выходя за рамки обнаруженных примеров, опрометчиво делать подобный вывод. Ю. Шевелев [Scherech 1952: 92] в своей книге, посвященной истории славянских числительных, отклонил это предположение Унбегауна, потому что оно не только не содержало доказательства, но и противоречило общему характеру тюркских заимствований у славян. Эти заимствования не касались духовно-религиозной сферы.

Существует и современная тюркская параллель девятичному счету. Наряду с примерами счета по пяти и по двадцати в отдельных тюркских языках, нашелся локальный пример применения счета по девяти у женщин в хазараспском говоре узбекского языка: *ikkı dokkız çöräk* ‘18 лепешек’, *üç dokkız nāmıj* ‘27 лепешек’, а также в говорах ёмудского диалекта туркменского языка: *ikkı dokkuz* – 18 [Щербак 1977: 140]. Обращает на себя внимание бытовой, утилитарный характер этого счета. Понятно, что чрезвычайная скудность и локальная ограниченность этого материала свидетельствует в пользу заключения Шевелева и позволяет рассматривать его лишь как едва выраженную и отдаленную типологическую параллель.

¹ За указание на этот факт благодарю И.Г. Добродомова.

Ю. Шевелев особо подчеркнул народный характер текстов с девятичным счетом и отверг какое-либо церковно-книжное влияние. Вместе с тем он привел примеры аналогичного девятичного счета в латышском, указав на его отсутствие в литовском. Шевелев предположил, что в латышском фольклоре сказалось северно-русское влияние, обусловленное соседством с псково-новгородским регионом. Сама формальная реализация девятичного счета в латышском совпадает со славянской, и счет девятками здесь также не превышает уровня трех. С другой стороны, Шевелев не обнаружил ясных свидетельств финно-угорского влияния в распространении девятичного счета.

Ср. отдельные примеры употребления числительного *тридевятъ* в латышских заговорах, которые включены в статью Э. Олупе [1993: 130 и др.]:

“Трое мужчин бредут по морю, у всех розы в руках. Все все [розы] упали в море, утонули, исчезли, рассеялись, потонули на дне – синяя, красная, белая; другие разные – увядшие, засохшие как табачный лист. В море *тридевятъ* кузнецов, *тридевятъ* молотков, *тридевятъ* наковален: они их закуют, они их разобьют, они их засекут *тридевятью* мечами – погибли, развеялись все, как луна на ущербе, как старый гриб-дождевик” (от рожи)²;

“Придут с моря *тридевятъ* молний, *тридевятъ* громов, они тебя разгромят, они тебя забьют на *тридевятъ* сажень, на *тридевятъ* миль в землю. Там твой отец, там твоя мать, там твои братья, там твои сестры, там ты сам, там ты внутри оставайся, вовеки наверх не поднимайся – пока это солнце, пока эта земля [существует] – без конца” (от испуга)³.

Компоненты числительного *тридевятъ* могут употребляться независимо, будучи объединенными композиционно. Ср.:

“*Деять* черных мужиков, *девятъ* вороных коней, *девятъ* черных псов – сбежались, съехались на *трех* перекрестках, меж *трех* камней. Там мужики схватили, там кони залягали, там псы растерзали [того], кто пугает моего ребенка, кто не дает ему спать”.

Латышские фольклорные источники, как было установлено, обладают чрезвычайной архаичностью. Так, латышские примеры заговоров, продолжая древнюю традицию, позволяют составить представление об индоевропейской структуре этого рода текстов (см. [Лекомцева 1993: 212 и др.]). Числа-символы в этой традиции, как и в других случаях, отражают свойства реальных объектов с постоянной структурой. В частности, числительные ‘3 × 9’, или ‘27’, передают **полносчетное множество** – число дней лунного месяца (см. ниже).

В своей статье [Жолобов 2002: 300] мы приняли как данность утверждение Ю. Шевелева об отсутствии топоса ‘3 × 9’ в литовском языке при распространенности его в латышских источниках. При перепроверке этого вывода выяснилось, что он совершенно безоснователен. Важное место в литовской традиции занимало божество плодородия Самбарис, которое связано с праздником *Sambarios* или *Saborios*, называемым также “**трижды девять**” [Мифы 1997, II: 398]⁴. Он мог так называться потому, что на

² “Trīs vīri brien pa jūru, visiem rozēs rokā. Visas visas iekrita jūrā, noslika, pazuda, izklīda, iegrīma dibenāzilā, sakranā, baltā; citas dažādas – savītušas, sakaltušas kā tabaka lapa. Jūrā *trejdeviņi* kalēji, *trejdeviņi* āmari, *trejdeviņas* laktas: tie viņas sasītīs, tie viņas sakapās *trejdeviņiem* zobēniem – iznīka, izputēja visas kā vecs mēnesis, ka vecs pūpēdis” (rožu vardi).

³ Здесь точнее было бы перевести *трижды девять*. См.:

“Nāks no jūras *trīsreiz deviņas* zībenes, *trīsreiz deviņi* pērkonī: tie tevi spers, tie tevi sitīs pa *trīsreiz deviņi* asi, pa *trīsreiz deviņi* jūdži iekš zemes. Tur tavš tēvs, tur tava māte, tur tavi brālī, tur tavas māšas, tur tu pats, tur tu iekšā paliec, mūžam augšā necelies, – kamēr šī saule, kamēr šī zeme – bez gala” (izbīla vārdi).

⁴ Благодарю Пьетро У. Дини за указание на принадлежность этого праздника литовской традиции и на соответствующую словарную статью.

праздник “каждый земледелец набирал по *девять* полных пригоршней зерна разных сортов... и разделял каждую на *три* части. После этого *двадцать семь* кучек зерна разного сорта ссыпали в одну и перемешивали...” [Фрэзер 1998: 503–504]. Описание праздника было дано в XVIII в. М. Преториусом. Оно приводится также у Дж. Фрэзера.

Славянский ареал распространения числительного *тридевятъ* вовсе не ограничен восточнославянской областью. Есть его следы у западных славян, в польских источниках (SP, III: 91). Образ ‘3 × 9’ засвидетельствован в западнославянском языческом ритуале: “при гаданиях вороного коня Триглава трижды водили через девять копий, положенных на землю” [Мифы 1997, II: 524]. Согласно недавней публикации, числительное *тридевет* встречается в юго-западных болгарских говорах, а в других фольклорно-диалектных болгарских материалах употребляется композит *триишевет* [Витанова 2001: 15–16]⁵. Эти примеры позволяют усматривать в случаях использования подобных числовых выражений продолжение общеславянской праформы.

В ряде этимологических словарей числительное *девяносто* трактуется как праславянская диалектная инновация. Отмечается, что данное числительное – след древнего счета девятками, так что *девяносто* должно пониматься как “девятная сотня” (SP, III: 88; НРЭ I: 73–75). Как было показано в работе Л. Хонти [Хонти 1989: 159–164], для этого предположения нет надежных оснований.

Счет по девяноста в русских летописях точно отражает соотношенность ‘9’ и ‘90’ в **десятичной системе счисления**. Мифологизированному счетному выражению ‘3 × 9’ в летописях соответствует ‘3 × 90’:

Домонѣ со Псковичи съ тремя девяносты плѣни землю Литовскую... два же *девяноста* мужь отпровади съ полономъ въ Псковъ (Новг. IV л. 6774 г.); *Деѣ же девяностѣ* мужь отпровади съ полономъ, а во единомъ *девяностѣ* самъ ся оста, жда по себѣ погони (Псков. I л. 6773 г.; Срезн. I: 650).

В балто-славянском разделе монографии “Indo-european numerals” Б. Комри [Comrie 1992: 722], подводя итоги многолетних исследований, отмечает, что происхождение “нональной” системы счисления в восточнославянских языках и в латышском остается неясным (ограничение девятичного счисления восточнославянскими и латышскими языками, вероятно, вызвано опорой на работу Шевелева).

Вопреки этому взгляду, следует заключить, что девятичного счисления не существовало, а девятичный счет был ограничен и не переходил троекратного рубежа (‘3 × ’). Этот счет у славян имеет индоевропейские корни. Числительные ‘7’ и ‘9’ у древних индоевропейцев варьируют, поскольку выражают “**конкурентные**” **формы членения временного континуума** – промежутки лунного календаря [Roscher 1904: 73 и др.]. В древних хронологических системах 28-дневный месяц, состоящий из четырех 7-дневных недель, основывается на смене лунных фаз, а 27-дневный месяц, складывающийся из трех 9-дневных недель, соответствует периоду, в течение которого Луна проходит зодиакальный круг⁶. Это противопоставление находит поддержку в современных аст-

⁵ Ср., например:

(Гюргя самовила)

Ми прѣвела *тридевет* ѝзвори

И однесла одлу в рамно поле;

Мие бѣфме *тридевет* мѣмчин’а

Йа чѣвафме гѣра Богданов;

Той съ чул прочул прис *триждев’ѣт* кѣдѣлъкъ,

тѣ му съ пратили *триждев’ѣт* желти бѣклички.

⁶ Впрочем, и фазовый подход мог приводить к троичному членению лунного цикла. Ср. выделение трех фаз в заговоре:

на новом месяце и на ветхи месяце, и на перекрое месяце, во вся меженные дни, не могла бы она, раба Божия Н., без меня раба Божия Н., ни жить, ни быть (РусНар: 251).

Первые девять знаков – единицы	Вторые девять знаков – десятки	Третьи девять знаков – сотни
1 α' · ā	1 ι' · ē	1 ρ' · ṛ
2 β' · ḡ	2 κ' · ḱ	2 σ' · ḥ
3 γ' · ġ	3 λ' · ā	3 τ' · ṭ
4 δ' · ā	4 μ' · ṁ	4 υ' · ṽ
5 ε' · ē	5 ν' · ṇ	5 φ' · ḥ
6 ζ' · ṣ	6 ξ' · ṣ	6 χ' · ḥ
7 ζ' · ṣ	7 ο' · ḥ	7 ψ' · ṽ
8 η' · ṇ	8 π' · ṇ	8 ω' · ṽ
9 θ' · ḥ	9 ς' · ḥ	9 ρ' · ḥ

В том, что кириллица точно следует за греческой цифирью, и в том, что она распространилась, несмотря на существование глаголической письменности, нельзя не видеть свидетельств опережающего усвоения славянами греческой буквенной цифири по сравнению со звуковым алфавитом. Существуют и “документированные свидетельства использования цифровых записей” уже в середине и во второй половине X в. в Тамани и Белой Веже, “где Русь тесно соприкасалась с византийским миром и Хазарией” [Медынцева 2000: 245].

Как известно, для обозначения тысяч, десятков и сотен тысяч в греко-славянской азбуке использовались обозначения трех первых разрядов, дополненные особыми значками. Таким образом, с помощью 27 знаков удавалось передать сколько угодно большие числа. Вполне реалистичным выглядит предположение о том, что совпадение структуры греко-славянского алфавита с традиционным символическим выражением ‘3 × 9’ могло сознаться. В буквенной цифири символика полносчетного множества приобретала завершающий характер в идее исчерпанности количественного ряда. Сакрально-магическая природа алфавита отложилась в композиционной фигуре акростиха.

В Древней Руси был известен сакрально-магический символизм 27-буквенной греко-славянской азбуки. Яркий пример тому один из наиболее древних абecedариев, записанных на стене киевской Софии в XI в. Найден он был и впервые описан С.А. Высоцким [1976: 12 и сл.], а недавно вновь рассмотрен А.А. Зализняком [1999: 555–558], который указал на его “четко ощутимый сакральный характер”. В этом греко-славянском алфавите лишь 27 букв, и поэтому он не мог использоваться по своему прямому назначению – как перечень знаков для записи славянской речи. В алфавите 24 буквы греческие, а 3 – славянские – в, ж, ш. Причем греческая буква “пси” записана сходно со славянской буквой “шта”. Славянские буквы заменяют отсутствующие греческие буквы стигма, коппа и сампи, которые имели цифровое значение и в обычную греческую азбуку не включались. Алфавит начинается с альфы (по-славянски *азъ*) и заканчивается омегой (по-славянски *отъ*), являясь сакрально-символической отсылкой к стиху Апокалипсиса (1, 8)⁸: *Азъ есмь алфа и ѿмега, нача́токъ и ко́нецъ, глѣтъъ гдѣ, сынъ, и ѿже бѣ и гра́дый, вседержите́ль*. 27-буквенный греческий алфавит использовался в особо торжественных случаях, когда на первый план выступала идея полноты-плеромы. В рассматриваемом примере особенно любопытно смешение греческих и славянских букв, которое четко укладывается в границы 27 обозначений, хотя автор надписи был свободен в выборе количественных параметров этого смешения. Три славянские

⁸ См. несколько иной перевод: *Азъ есмь алфа и ѿ · глѣтъъ г(с)ъ бѣ · ѿже сыи · и еже бѣ · и градыи вседержите(л)* (НЗЧ 1354: 149а: Откр. 1, 8).

буквы, которыми он ограничился, подчеркивают нацеленность на число 27 и в таком случае могут сигнализировать о трехчастном членении алфавита: '27' = '3 × 9'.

В целом славянские примеры ограниченного девятичного счета, восходя к одному прототипу, могут обнаруживать рано сложившуюся полимотивированность обозначения '3 × 9', которая подкреплялась новыми культурными влияниями в письменную эпоху⁹.

А.А. Зализняк [1993: 105] полагает, что числительное *тридевятъ* не может обозначать точного количества (например, 27)¹⁰. Это "мифологизированное обозначение некоего большого количества, соединяющее в себе сакральные свойства числа девять и числа три"¹¹. Это не так. Сохранилось немало число примеров, где, не теряя своего мифологизированного характера, это числительное передает точную арифметическую величину – 27 (выше некоторые примеры были приведены). В восточнославянской мифологии сохраняется связь данного числительного с конкретным счетом, который имел ритуально-магический характер. Вот еще один выразительный пример:

«В поморье Кемского уезда, перед возвращением промышленников с Мурманского берега домой, бабы целым селением отправляются к морю молить ветер, чтобы не серчал и давал бы льготу дорогим летникам... На следующую ночь, после богомолья, все выходят на берег своей деревенской реки... и стараются припомнить и сосчитать ровно двадцать семь 3 × 9 плешивых из знакомых своих в одной волости и даже в деревне, если только есть возможность к тому. Вспоминая имя плешивого, **делают рубез** на лучинке углем или ножом; произнеся имя последнего, 27-го, нарезывают уже крест. С этими лучинами все женское население деревни выходит на задворки и выкрикивает сколь возможно громко. "Восток, да обедник, пора потянуть! Запад да шалоник, пора покидать! **Тридевятъ** плешей все **сосчитанные, пересчитанные**; встокова плешь наперед пошла"...» (РусНар: 315–316).

В рассмотренном случае присутствуют "черты-резы", которые применялись в календарных расчетах, а также ясно проявляется субституционная связь этих расчетов с определенными персонажами, которым придавалась в счете магическая функция.

Значение данного числительного в мифологической традиции состояло в следующем: числительное '3 × 9', или '27', восходящее к счету дней сидерического (звездного) месяца, **воплощало идею полносчетного множества, которое обладало магической силой**, вобравшей в себя магические возможности каждого из 27 его "ангелов-покровителей". Данное значение так или иначе присутствует во всех приводившихся балтославянских примерах.

Одно из наиболее древних свидетельств подобного девятичного счета – новгородская берестяная грамота № 715, которая датируется первой половиной XIII в.:

тридева<т>о анеело тридева ароханело
избави раба жеа михеа трасавиче
молитвами сватъаа богородича

Как было отмечено А.А. Зализняком [1993: 104; 1995: 428], грамота представляет собой древнейший восточнославянский заговорный текст, а берёста с записью могла использоваться в качестве науза.

⁹ В латышском фольклоре архаичная индоевропейская традиция девятичного счета в позднем средневековье причудливо переплелась с каббалистической практикой (см. [Лекомцева 1993]).

¹⁰ См. также Л. Хонти [Хонти 1989: 160 и др.]. Он отвергает предположения о девятичной системе счисления как в финно-угорских языках в целом, так и в древнерусском, не считая возможным связывать числительное *тридевятъ* с реальным счетом.

¹¹ Очень близкая характеристика содержалась в нашей статье [Жолобов 2001: 105–106].

Числительное '3 × 9' восходит к дохристианской традиции, являясь индоевропейским архаизмом (таким же, как, например, дуалис)¹². Оно имеет в ГрБ № 715 ритуально-магическую функцию, обозначая полносчетное, плероматическое множество¹³. Автор использует, кроме того, парную формулу *ангелы и архангелы*, что обычно для народно-мифологической традиции, где удвоение имеет функцию сакральной "идеализации" (см. [Жолобов 1997: 203])¹⁴.

Образ "тридевяти" как плероматический символ обнаруживают греко-византийские церковно-юридические тексты, откуда он проник в древнерусскую письменность. Числительное *тридевять* содержится в переводном тексте XII в. – Ефремовской Кормчей. Здесь встречаются следующие формы:

три девѣти... лѣтъ (242б) (греч. τρίς ἐννέα... ἐνιαυτοί); *въ третнюю же девѣть* (греч. ἐν δὲ τῇ τρίτῃ ἐννὰδι / ἐννεάδι)¹⁵.

Славянский перевод во всем фрагменте довольно невнятен. Из греческого текста явствует, что убийство может быть искуплено в "трегубый" срок, где каждая из трех ступеней длится девять лет. В первые девять лет совершивший преступление лишается церковного общения, во вторые девять лет ему может быть дозволено лишь стоять в притворе с оглашенными, в третью "девятерицу" (в греч. здесь существительное) он допускается к общей молитве и причастию. Таким образом, здесь составное числительное *три девѣти* обозначает реальное число 27. Однако эта реальная величина является и величиной идеальной, которая символизирует плероматическое множество. В Древней Руси идеально-символический характер этого образа был, по-видимому, вполне очевиден, поскольку установления кормчих книг, как правило, вовсе не становились руководством в правовой практике, да и знакомство с юридическими источниками подобного рода не было сколько-нибудь широким.

В данной юридической статье указано также, что срок в девять лет на каждой из трех ступеней может быть сокращен до восьми, семи и т. д. лет при скором исправлении провинившегося. Это только подчеркивает особый характер исходной величины,

¹² Составитель заговора отвлекается и от христианско-ветхозаветной традиции, согласно которой число архангелов равно семи, а имена трех из них общеизвестны – это Михаил, Гавриил, Рафаил (см. [Мифы 1997, I: 110]).

¹³ Ср. тоπος счѣта в фольклорной заговорной традиции:
и упрѣшиваю и умаливаю по числу херувимов и пасущих мя, по числу серафимов, стерегущих мя, и замкните меня... в роде сем от злых человек (РусНар: 270).

¹⁴ Термин "идеализация" (сказочная, эпическая и т. д.) принадлежит А.А. Потебне [1968: 418].

¹⁵ См.:

егда кѣто съплетѣтсѧ которою сѧ же и бикмѣ · нанесетъ нѣ на когю оударени · роучныѧ ради раны · кдиною бо гнѣвѣмъ и стрѣмленіемъ ꙗрости · ѡлоучивъ ничѣто же бы · чрѣсѣ врѣмѧ страсти ѡсѣѣши зѣлок · могоущиных · на оумъ приметь · ꙗко и ꙗже ѡ плетниа · съвършени оубиства · въ дѣло изволиниа · а не на полуоченикъ възводитъ · невольни же ꙗвленаѧ имоутъ · съказаниа · кгда кѣто къ иномоу коꙗ потѣщани ꙗмѣѧ · ѡ нелоучениа нѣчѣто неицѣльных · сътворитъ на сихъ оубо оубиство · на трыгоубо лѣто (εις τριπλασίονα χρόνον) простираетсѧ · обращениемъ цѣлающимъ вольныа сквърны · **три девѣти** бо лѣтъ (τρίς ἐννέα ἔτη ἐνιαυτοί) въ кыиждо чинѣ · **девятѣаго** лѣтѣмъ заповѣданомъ (ἐκαστον βαπτὼν τῆς ἐννὰδος τῶν ἐτῶν ὁρίσθεισης) ꙗко въ ѡлоученикъ оубо ѡноудъ · кдино лѣто быти · възбранѧмоу ѡ цркве · другаѧ же толика лѣта въ притворѣ да стаѣтъ съ оглашеними и да послушаѧ оучениа исходитъ · и съ людьми въноутрь цркве съподобитсѧ · и съ оглашеними не исходитъ · **въ третнюю же девѣть** (ἐν δὲ τῇ τρίτῃ ἐννὰδι) съ обращениемъ моляшюсѧ · тако прити къ причастию освѣщенныхъ · ꙗвѣ ꙗко и на таковѣмъ съблюденіи боудеть · ѡ съмотрѣѧаго црквѣ · и къ словоу вбращениа раздѣлитсѧ · кмоу запрѣщеникъ простѣрениа · ꙗко въ **девятѣ** лѣтъ 243а мѣсто · на кожьждо чиноу осмоꙗ или семоꙗ · или шестоꙗ · или пѧтоꙗ · кдинѣмъ быти · нежели велиист[в]о обращениа одолѣѣтъ врѣмени (KE XII: 242a–243a).

символизирующей хронологическую полноту. Символический характер сроков наказания в КЕ XII выступает особенно отчетливо в их непрерывном трехчастном делении.

Непростым вопросом является грамматическая интерпретация числительных, встретившихся в ГрБ № 715. В первом случае в подлиннике грамоты не читается одна буква. А.А. Зализняк предлагает конъектуру *тридева<т>о* [Зализняк 1993: 105] и *три дева<т>о* [Зализняк 1995: 428]. Хотя на фоне последующего *тридева* здесь было бы возможно допустить другое чтение – *тридева <?>о* или, например, *тридева <б>о...*

В работе 1993 г. А.А. Зализняк исходит из композита *тридева^{то}* (т.е. *тридева^{тъ}* в традиционной орфографии) и *тридева*. А в монографии “Древненовгородский диалект” здесь восстанавливаются составные числительные *три дева^{то}* и *три дева*. Он усматривает в этих формах фонетические диалектные черты – отверждение [т’], а затем и вовсе его отпадение. В монографии интерпретация форм усложняется, потому что, исходя из исконного *три дева^{ти}*, автор вынужден констатировать утрату флексии (!) ИП множ. числа -и. Здесь смущает то, что фонетические правила введены специально для отдельных словоформ числительных, в то время как за рамками числительных данные правила не действуют. Так, например, в 3 лице презенса появление флексивного -тъ вместо -ть отмечается в единичных случаях лишь с середины XIV в. Отпадение конечного -тъ в числительных А.А. Зализняк усматривает в примерах, которые, как уже отмечалось [Жолобов 2002: 297–299], соответствуют исконным формам и являются грамматическими архаизмами: *дѣва* рьно ГрБ № 621 (50 XII–10 XIII); *пять* на *деса* дежекъ овся ГрБ № 219 (XII/XIII) и под.

Идентичные фонетические изменения А.А. Зализняк усматривает в другом составном числительном: поло третьиа *дѣс^{то}* гривно сьрьбра ГрБ № 61 (30–60 XIII). Здесь выстраивается следующая цепь фонетических изменений: (*полъ третьа*) *дес^{те}* > > (*полъ третьа*) *дес^{ть}* > (*полъ третьа*) *дес^{тъ}*; *три дева^{ти}* > *три дева^{ть}* > *три дева^{то}*. Эту фонетическую интерпретацию принять трудно. Дело в том, что составное числительное *поло третьиа дѣс^{то}* имеет прозрачное грамматическое объяснение. Это морфосинтаксическая инновация – обобщение модели составных числительных – большого количественного *пять дес^{тъ}*, *шесть дес^{тъ}* и под. Ср. это же поновление в чуть более позднем источнике той же диалектной принадлежности:

пришли бо *блхоу* въ *полоу шеста дѣс^{тъ}* шнекъ (ЛН XIII₂: 32 об. под 1164 г.);
служивъшу *кмоу Ѹ* стго *иак^ова полъ п^{та} дѣс^{тъ} лѣ(т)* (ЛН XIII₂: 48 об. под 1188 г.).

Идентичную морфосинтаксическую инновацию допустимо видеть в числительном *тридева^{то}* (т.е. *тридева^{тъ}* по образцу *пять дес^{тъ}* и под.)¹⁶ – рядом с иным вариантом – числительным *тридева*, которое происходит из сложения. Хотя возможно вернуться и к раннему предположению А.А. Зализняка об исходном композите *три дева^{ть}*, в котором конечный согласный отвердел. Ср. с предполагаемым отверждением: *п^{тъ} кнѣ* – ГрБ № 219 (XII/XIII), где, впрочем, *ѣ* в *п^{тъ}* может быть опiskой (см. [Зализняк 1995: 365]).

Числительное *тридева* представляет сложение, в котором использован архаизм *де-ва*, в то время как глубоким архаизмом является и сам тип числового выражения ‘3 × 9’. Нет оснований видеть уникальное фонетическое упрощение *три дева* < *три дева^{тъ}* < < *три дева^{ти}* там, где представлено обычное композитное образование.

Однотипные композитные обозначения числительных ‘20’ и ‘30’ фиксируются уже в Супр. Вероятно, они спорадически допускались в праславянском, отражая противопоставление счетной и количественной функций. См.:

¹⁶ Ср. в позднерусских источниках: ихъ(ж) дѣи рашита^{къ} съ четырью дѣс^{тъ} лѣ(т) поустыни(х) (ГА XIV₁: 606); семь же недѣль бе соуботъ и недѣль бывае^{тъ} · тридес^{тъ} и п^{тъ} дѣи (ПНЧ к. XIV: 194г).

жнста девать сътъ · и лѣтъ · родивѣша сѣ и дѣштерн · отъ нихъже исп'яньтъ
са миръ вѣсь · а дамоу же отъ ослоушання конецъ прикм'шоу по девати сътъ и
тридесати лѣтъѣхъ (Супр I: 5); вѣахъ бо въ широтѣ пати лакътъ · а вы дѣготѣ
авадесати ти пати лакътъ (Супр I: 115 об.).

Употребление таких форм отражает корреляцию количественных и порядковых числительных, из которых последние были представлены исключительно в сложениях. Ср.:

Въ лѣто авадесатънок и четвѣрток · цѣсара дивклитиана · матежъ бѣтъ въ великъ (Супр I: 110 об.); дѣвадесатъноуоу моу оу бо и осмоу моу лѣтоу пришьдѣшоу (Супр III: 6 об.); въ авадесатънок свока кмоу вѣстѣ лѣто · и осмоу епискоупѣ поставкнѣ бѣ (Супр III: 17).

Со второй половины XIII в. композиты широко представлены в древнерусских книжных источниках, наряду с более привычными составными формами. См.:

и поидоста ѡба и *тридесать* моужь · ѿ сѣвъ пр(о)рчьскъ · и стаща прѣмо издалуча (Парем 1271: 12в); трии сътъ лакътъ въ широту · и *тридесати* лакътъ · въ высоту (72б); и распалашесѣ пламень надъ пещью · на *четырдесать* и · ѿ · лакътъ (216г); съшедѣшемъ же (с) еп(с)кпмъ тремъ стомъ · *четыредесать* и единому (КР 1284: 8б); *тридесать* шестаѣ же гра(н) шестьдесатныхъ книгъ (49г); *Двадесать* и второк правило стѣхъ ап(с)лѣ (106в); въ *двадесать* дѣни (342б).

Композитные формы в берестяной письменности фиксируются очень рано – уже в грамоте № 630 (20–50 XII):

о: ньжка *довадѣсать* бѣрковско бѣз ѣрковска оу гоница бѣз бѣрковска *довадѣсать*.

Фонетическую редукцию *-и* и звуковой переход *дѣва десати* в *дѣва десать*, как и обсуждавшийся выше переход *три девати* в *три девать* и далее в *три дева*, о которых говорит А.А. Зализняк [Зализняк 1995: 116], принять нельзя, потому что *-и* выражает падежно-числовое значение, а его утрата разрушает нормальные грамматические связи в тексте. Рассматриваемые числительные не сопоставимы с примерами сокращения конечного гласного в случаях вроде *ходити* > *ходить*, *ходиши* > *ходишь*, в которых гласный не входит в парадигматические противопоставления и является морфологически выхолощенным. К тому же в грамотах нет примеров сокращения инфинитивных форм, хотя однажды представлена ранняя форма с сокращением гласного во 2 лице ед. числа: *воземеше* – ГрБ № 227 (60–70 XII)¹⁷.

Особенности новгородской орфографической системы позволяют интерпретировать *довадѣсать* как *дѣва десате*. Но отклонение от правильного двойственного числа маловероятно в условиях живого его употребления, при том что в этой же грамоте встречается закономерная форма дуалиса (с опiskой: *бѣз доувоу ногутоу*).

Итак, можно подвести итоги. Благодаря находке новгородоведов, в ГрБ № 715 (XIII₁) обнаружены древнейшие из известных примеры числительного '3 × 9': *тридевять* и *тридева*. Собственно фонетическое истолкование этих словоформ вызывает сомнения, более реалистичным представляется решение, опирающееся на морфосинтаксические параметры. Есть основания полагать, что данные числительные являются сложениями, как и закрепившееся в поздних источниках числительное *тридевять*.

¹⁷ Эта форма может быть опiskой, так как конечное *ше* могло быть записано по инерции под влиянием двух предшествующих *зе-ме*.

Вопреки распространенной точке зрения, числительное *тридцать* не является остатком особого девятичного счисления, которого, судя по всему, не существовало. Нельзя говорить о девятичном счислении там, где допустимо вести речь лишь об ограниченном счете по девяти, имевшем ритуально-магический характер. В то же время данное числительное нельзя отождествлять и с обычным совмещением двух сакральных чисел, не обозначающим точного количества.

ИСТОЧНИКИ

- ГА XIV₁ – В.М. Истрин. Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. I: Текст. Пг., 1920.
- ГрБ (+ номер грамоты) – Новгородские грамоты на бересте // А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 1995.
- КЕ XII – В.Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. I. Вып. 1–3. СПб., 1906–1907.
- КН 1285–1291 – Новгородская кормчая. Рукопись ГИМ, Син., № 132 (по фотокопии).
- КР 1284 – Рязанская кормчая. Рукопись РНБ, Ф. п. I. 1 (по фотокопии).
- ЛН – Новгородская харатейная летопись / Издано под наблюдением М.Н. Тихомирова. М., 1964: ЛН XIII₂ – л. 1–118 об.
- НЗЧ 1354 – Чудовская рукопись Нового Завета 1354 года. М., 2001.
- Пал 1406 – Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Вып. 1–2. М., 1892–1896.
- Парем 1271 – Захариинский паремейник. Рукопись РНБ, Q. п. I. 13.
- ПНЧ к. XIV – Пандекты Никона Черногорца. Рукопись ГИМ, Чуд. № 16 (по фотокопии).
- РусНар – Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылым. Кн. 1. М., 1996.
- Супр – Супрасльская рукопись Труд Сергея Северьянова // Памятники старославянского языка. Т. II. Вып. 1. СПб., 1904.

СЛОВАРИ

- НРЭ – Новое в русской этимологии. I. М., 2003.
- РЭС – Российский энциклопедический словарь. Кн. 1. М., 2001.
- Слав. древности 1995 – Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995.
- Срезн. – И.И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1903.
- SP – Słownik prasłowiański / Pod red. Fr. Sławskiego. T. 1–7. Wrocław etc., 1974–1995.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берри 1904 – А. Берри. Краткая история астрономии. М., 1904.
- Витанова 2001 – М. Витанова. Следи от бройни системи, различни от десетичната, в българските говори // Българска реч. Год. VII / 2001. Кн. 3.
- Высоцкий 1976 – С.А. Высоцкий. Средневековые надписи Софии Киевской. XI–XVII вв. Киев, 1976.
- Жолобов 1997 – О.Ф. Жолобов. Очерк теории гендиадиса (к описанию древнеславянской нумерологии) // Studien zur russischen Sprache und Literatur des 11.–18. Jahrhunderts. Frankfurt-am-Main etc., 1997.
- Жолобов 2001 – О.Ф. Жолобов. Древнеславянские числительные как часть речи // ВЯ. 2001. № 2.
- Жолобов 2002 – О.Ф. Жолобов. Древнерусский счет: *деся, наця, тридэвя...* // RLing. 2002. V. 26. № 3.
- Зализняк 1993 – А.А. Зализняк. Древнейший восточнославянский заговорный текст // Исследования в области балто-славянской культуры. Заговор. М., 1993.
- Зализняк 1995 – А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.

- Зализняк 1999 – А.А. Зализняк. О древнейших кириллических алфавитах // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1999.
- Лекомцева 1993 – М.И. Лекомцева. Семиотический анализ одной инновации в латышских заговорах // Исследования в области балто-славянской культуры. Заговор. М., 1993.
- Медынцева 2000 – А.А. Медынцова. Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века). М., 2000.
- Мифы 1997 – Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1–2. М., 1997.
- Олупе 1993 – Э. Олупе. Формула уничтожения в латышских заговорах // Исследования в области балто-славянской культуры. Заговор. М., 1993.
- Потебня 1968 – А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. III: Об изменениях значения и заменах существительного. М., 1968.
- Соболевский 1926–1927 – А.И. Соболевский. Заметки по славянской морфологии // *Slavia*. 1926–1927. Т. V.
- Фрэзер 1998 – Дж.Дж. Фрэзер. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М., 1998.
- Хонти 1989 – Л. Хонти. Заметка по этимологии русского числительного *девяносто* // Этимология. 1986–1987. М., 1989.
- Щербак 1977 – А.М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977.
- Comrie 1992 – B. Comrie. Balto-Slavonic // *Indo-european numerals / Trends in linguistics. Studies and monographs*. V. 57. Berlin; New York, 1992.
- Numbers 1961 – Numbers // *Encyclopaedia of religion and ethics*. V. IX. Edinburg, 1961.
- Polívka 1927 – J. Polívka. Les nombres 9 et 3 × 9 dans les contes des slaves de l'est // *RÉSl*. 1927. V. VII.
- Roscher 1904 – W.H. Roscher. Die Sieben- und Neunzahl im Kultus und Mythos der Griechen / Abhandl. d. K. S. Gesellsch., d. Wissensch., phil.-hist. Kl. XXIV, 1. Leipzig, 1904.
- Scherech 1952 – Ju. Scherech. Probleme der Bildung des Zahlwortes als Redeteil in den slavischen Sprachen. Lund, 1952.
- Unbegaun 1935 – B. Unbegaun. La langue russe au XVIe siècle (1500–1550). La flexion des noms. Paris, 1935.